

УДК 340.1

Дубинин Максим Геннадьевич

помощник судьи.

Нижегородский областной суд

dubininmg@mail.ru

Dubinin Maxim Gennadevich

Assistant to the judge.

Nizhny Novgorod regional court

dubininmg@mail.ru

**Судебное толкование права
в процессе формирования отечественного судопроизводства**

Judicial statutory interpretations in the process of the Russian justice making

***Аннотация.** В статье проводится анализ юридической природы судебных актов в различных системах права. Подробно автор рассматривает место результатов судебного толкования права в процессе формирования российского правосудия, определяется связь права и результатов судебного правоприменения.*

***Ключевые слова:** индивидуальное судебное регулирование, судебное толкование права, система права, правосудие, прецедент, судебные акты.*

***Annotation.** The article considers the analyzed legal nature of judicial acts in the different legal systems. The author particularly explores the role of judicial statutory interpretations in the process of the Russian justice making and determines connection between law and results of law enforcement.*

***Key words:** individual judicial regulation, judicial statutory interpretation, legal system, justice, precedent, judicial acts.*

Согласно ст. 10 Конституции РФ, органы государственной власти делятся на законодательную, исполнительную и судебную. Представители судебной ветви традиционно и бесспорно относятся к правоприменительным органам, основной задачей которых стоит разрешение индивидуальных споров в соответствии с основополагающими принципами и нормами права, содержащимися в его международной и внутригосударственной системе. Разделение властей – одна из важнейших гарантий правового демократического государства, лежащая в основе системы «сдержек и противовесов», где каждая ветвь власти имеет строго определенную компетенцию, чем обеспечивает устойчивый баланс всего механизма функционирования.

Несмотря на это, в научных кругах существует мнение, что судебные акты, в том числе результаты толкования, являются своего рода формой права, которая именуется «судебным прецедентом». Само понятие прецедента (лат. – praecedens, род. падеж praecedentis — предшествующий) определяется как «вынесенное судом по конкретному делу решение, обоснование которого

становится правилом, обязательным для всех судов той же или низшей инстанции при решении аналогичного дела» [1].

Судебный прецедент широко встречается в странах Англо-саксонского права, что обусловлено исторической традицией судебного разрешения дел. Так, юридическая наука выделяются три этапа эволюции судебного прецедента в Великобритании. Первый этап обусловлен формированием прецедента как источника английского права в период с XI по XIX вв. Следующий этап характеризуется окончательным утверждением принципа «*stare decisis*» как источника права (XIX – XX вв.). Заключительный этап эволюции прецедентного права начинается со второй половины XX в. и продолжается по настоящее время, главной его особенностью выступает развитие статутного права и прецедентов толкования [2, с. 16].

В противоположность этому Романо-германское право основывается на принципе *res judicata*, согласно которому судебное решение является обязательным только для определенных лиц, участвующих в конкретном споре. Однако, проблема отсутствия законодательного регулирования развивающихся правоотношений всегда существовала в каждой правовой семье.

В результате таких неточностей, неясностей, альтернативности норм и пробелов в праве судебная практика приобретает очень важную роль, ведь судья в процессе рассмотрения конкретного дела не может ждать законодательного устранения существующей проблемы. Он обязан разрешить возникший спор, не отказывая в судебной защите, ссылаясь на «неблагоприятную» правовую ситуацию.

Несмотря на отрицание судебного прецедента как формы права, ряд ученых усматривает признаки формирования «судейского права» в континентальной судебной системе [3, с.118]. Как представляется, данное утверждение может повлечь нарушение принципа подчиненности судьи закону, поставив правоприменителя в такие условия, когда он сможет действовать «против закона» [4, с. 111]. Как результат, в сложившейся ситуации стал широко применяться метод «расширительного толкования права». Стоит подчеркнуть, что некоторые ученые видят в признании прецедентного права реализацию принципа равенства всех перед законом (как представляется – всем правом в целом), что может гарантировать вынесение идентичного решения в аналогичных спорах, вне зависимости от внешних факторов, не относящихся к существу дела. Так, основополагающий принцип равенства всех перед законом закреплен в Конституции РФ в п. 2 ст. 6; п. 2 ст. 8; п. 4 ст. 13; п. 2 ст. 14; ст. 19.

Для более точного представления о месте и роли судебных актов как результата толкования основополагающих принципов и норм права следует обратиться к этапам его формирования и развития в российской правовой системе, а также к процессам становления и закрепления отечественного судоустройства.

Как уже было отмечено ранее, судопроизводство, первое время основывающееся на нормах правовых обычаев, было неотъемлемой частью народного быта, что привело к его закреплению в качестве важного атрибута государственности в лице князя, как носителя верховной власти. Правосудие,

развиваясь вначале как частное явление, переходит в публичную сферу, постепенно превращаясь в функцию государства, пусть на начальном этапе и не обладающую высоким авторитетом [5, с. 582]. И хотя первое время судебная власть не была отделена от административной и осуществлялась самим князем либо от его имени посадниками и тиунами, впоследствии произошло ее формирование в качестве более самостоятельного вида государственной деятельности, что сказывается и на профессиональном отборе осуществляющих такую деятельность лиц.

Формирование судопроизводства в Древней Руси носило схожий характер с процессами, происходившими в судебной сфере Англии. Так, аналогичный по своим функциям «суду канцлера» (суду справедливости) являлся «княжой суд». Он представлял собой особый вид суда, являясь личным судом князя, и противопоставлялся «общинному самоуправлению и суду» [6, с. 431]. Примечательно, что «княжеские и вечевые органы суда действовали первоначально вместе» [7, с.583]. Также и английская судебная система изначально не знала деления. Основная причина большого значения князя как судьи, который не был в своих решениях строго связан с обычным правом, состояла в разрешении сложных, неясных и новых случаев «при которых применение обычного права привело бы к явной несправедливости... Это *judicium aequitatis*, решение по справедливости, игравшее существенную роль в развитии права у всех народов. Это фактор творчества нового права путем прецедентов, какими становились отдельные княжеские приговоры» [8 с. 583].

Постепенное усложнение процедур судопроизводства, стремительное развитие правоотношений, повышающиеся требования к юридической грамотности потребовали выделения отдельной группы специалистов, отвечающих за отправление правосудия, появления некоего подобия административного аппарата для целей осуществления судопроизводства. Несмотря на то, что судебный процесс в его первоначальном виде имеет мало общего с современным вариантом, тем не менее, именно он стал определяющим вектором в вопросах развития юридической стороны жизни общества. Так, судопроизводство проходило полностью в устной форме, обязанность к обеспечению явки на процесс ответчика лежала на истце, присутствовали чуждые современному процессу такие его формы, как «судебный поединок», «крестное целование» и, так называемый «божий суд – ордалии» (к примеру, Русская Правда содержала упоминание об испытании железом и мечом).

Однако к середине XIX в. судебная власть путем интенсивного развития уже представляла собой огромное нагромождение различных инстанций, иерархическая составляющая которых не всегда явно прослеживалась, что не позволяло называть ее функционирующей системой. Исследователи того периода отмечают: «дореформенную совокупность “судебных мест” назвать системой невозможно, в результате чего “она представляла собой беспорядочное нагромождение друг на друга учреждений, выполнявших судебные функции, напоминавшие отправление правосудия”» [9, с.49]. Это

привело к фундаментальному изменению судебной власти путем проведения судебной реформы.

В 1864 году Император Александр II издает Судебные уставы: Учреждение судебных мест; Устав уголовного судопроизводства; Устав гражданского судопроизводства; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В них нашли свое отражение основные принципы судостроительства и судопроизводства того времени: отделение суда от администрации; несменяемость судей и следователей; полномочия прокуратуры стали заключаться преимущественно в поддержании обвинения; создание суда присяжных, учреждение независимой адвокатуры; провозглашение гласности, устности и состязательности процесса, свободная оценка доказательств; выборность некоторых судебных органов. Были созданы две системы судов – общие и мировые, которые рассматривали мелкие уголовные и гражданские дела.

Подводя итоги, можно сказать, что данный период является окончательным формированием судебной системы, которая сочетала в себе важнейшие основы судопроизводства, существующие в нашей стране в той или иной форме и по сей день. Дальнейшие преобразования касаются больше организационных, чем структурных изменений, что явилось результатом усиления контроля над судебными органами при Александре III, и обратное его ослабление в результате реформ П.А. Столыпина.

Следовательно, мы можем наблюдать эволюцию судопроизводства и судебной защиты права, где вопрос соотношения закона и иных форм права вместе с ролью судов и принимаемых судебных актов менялся в зависимости от политического устройства государства. Так, в советский период в силу господствующего позитивизма и «революционной целесообразности» воля государства имела приоритет над естественно-правовой концепцией, что не могло не сказаться на защите прав и правовых интересов человека, которые в их общепризнанном виде рассматривались как пусть необходимое, но временное явление на пути построения коммунизма.

Очевидно, что произошедшие в области государственного управления перемены не могли не сказаться на восстановлении долгое время нарушавшихся прав граждан и их защите, как основного приоритета государственной правовой политики. Естественно, защита прав и правовых интересов невозможна без независимой судебной власти, роль которой начинает постепенно возрастать, что является необходимым признаком любого демократического государства. Однако смена режима и общего уклада жизни сказалась на стремительном развитии общественных отношений, где гражданский оборот стал приобретать не существовавшие ранее явления, а уголовное право, напротив, подвергалось общей гуманизации.

Сложившаяся ситуация потребовала массового изменения законодательства, помимо замены старых нормативных актов на новые, необходимо было осуществлять их параллельное обновление в соответствии с существующими реалиями. Законотворческие органы не всегда успешно справлялись с этой задачей. Однако регулирование должно было непрерывно

осуществляться как в правовом, так и в индивидуальном порядке. Судья по общепризнанному правилу не мог сослаться на отсутствие закона, который регламентировал бы определенный вид правоотношений, и должен был использовать полный спектр судебных средств разрешения споров, основываясь на формах международного и внутригосударственного права.

Соответственно, судьи, как основные правоприменители, в первую очередь почувствовали на себе изменение правовой обстановки и должны были вырабатывать отвечающие ей инструменты индивидуального регулирования, сформировать определенную практику. В связи с чем результаты судебного толкования права стали отличным показателем существующих пробелов, коллизий в законах и, пусть даже не всегда, впоследствии учитывались законодательными органами путем внесения изменений или принятия новых нормативных правовых актов.

Литература:

1. Большая советская энциклопедия: В 30 т. - М.: Советская энциклопедия, 1969-1978. URL:

<http://slovari.yandex.ru/прецедент/БСЭ/Прецедент/> по сост. на 04.04.2014

2. Богдановская И.Ю. «Судебный прецедент в странах “общего права”: особенности развития» // Российское правосудие. 2012. №5(73).

3. Туманов В.А. К критике концепции «судейского права» // Советское государство и право. 1980. № 3.

4. Туманов В.А. К критике концепции «судейского права» // Советское государство и право. 1980. № 3.

5. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910

6. Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993.

7. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995.

8. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995.

9. Корчагин А.Ю., Свечникова Л.Г. Становление и развитие судебного права в России (X – XIX века) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. №1 (25).

Literature

1. Great Soviet Encyclopedia. Moscow, 1969-1978.

2. Bogdanovskaya I. U. «Judicial precedent in the countries of “rights of common”: features of making» // Russian justice. 2012. №5(73).

3. Tumanov V.A. To criticism of «judicial legislation» // Soviet state and law. 1980. №3.

4. Tumanov V.A. To criticism of «judicial legislation» // Soviet state and law. 1980. №3.

5. Sergeevich V.I. Lectures and explorations of Russian law ancient history. St.-Petersburg. 1910.

6. *Presnyakov A.E. Lectures of Russian history. Kievan Russia. Moscow, 1993.*
7. *Vladimirsky-Budanov M.F. Review of Russian law history. Rostov-on-Don, 1995*
8. *Vladimirsky-Budanov M.F. Review of Russian law history. Rostov-on-Don, 1995*
9. *Korchagin A.U., Svechnikova L.G. Making and evolution of judicial legislation in Russia (X – XIX centuries) // Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia. 2014. № 1(25).*

..